

УДК94(47).072.5+821.161.1.09|18|+929 Барклай де Толли

М. Б. БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В. П. Тотфалушин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
E-mail: TotfalushinVP@info.sgu.ru

В статье предпринята попытка обозреть русскую литературу первой половины XIX века и выявить, как в ней была оценена роль полководца М. Б. Барклая де Толли в эпоху Двенадцатого года.

Ключевые слова: М. Б. Барклай де Толли, русская литература первой половины XIX века, Отечественная война 1812 года.

M. B. Barclay de Tolly in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century

V. P. Totfalushin

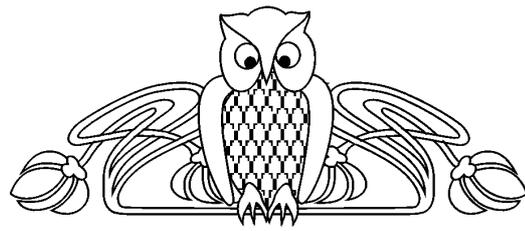
In this article an attempt to analyze the Russian literature of the first half of the XIX century and to reveal how it reflected and estimated the role of the commander M. B. Barclay de Tolly during the era of 1812 is made.

Key words: M. B. Barclay de Tolly, Russian literature of the first half of the 19th century, Patriotic war of 1812.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-296-300

Опала, постигшая М. Б. Барклая де Толли в 1812 г., бросила тень на всю его оставшуюся жизнь и наложила тяжелую печать на посмертное восприятие облика полководца. Вероятно, ни один другой крупный русский военачальник нового времени не был окружен таким количеством пристрастных слухов и документально не подтвержденных суждений, иногда чисто легендарного свойства, не изжитых в общественном сознании и по сию пору. Судьбе и боевому пути Барклая посвящено не одно историческое исследование¹. В некоторых из них рассматривается и отношение к полководцу А. С. Пушкина, однако попыток обозреть русскую литературу первой половины XIX в. в целом и выявить, как в ней отразилась и была оценена роль М. Б. Барклая де Толли, ещё не предпринималось.

Небывалый подъем национального самосознания в эпоху Отечественной войны и в первые послевоенные годы привел к созданию большого пласта художественных текстов. Только число поэтических откликов на события 1812–1814 гг. в то время достигло примерно шестисот². Однако первоначально имя Барклая де Толли в них не упоминалось. Например, в написанном накануне Тарутинского сражения патристическом стихотворении В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (сентябрь – октябрь 1812 г.) при пере-

числении полководцев и военачальников Российской армии поэт сознательно обошёл молчанием фигуру Барклая³.

Это было следствием непонимания в армии и обществе отступательной тактики полководца, которая вызвала слухи о подкупе главнокомандующего Наполеоном. В конце июля 1812 г. И. А. Крылов написал басни «Кот и повар» и «Раздел»⁴, в которых в аллегорической форме осуждал бездействие русского командования там, где «нужно власть употребить», а также споры начальства «о выгоде своей», грозящие обернуться общей гибелью. А в образе Повара, который «не находил конца нравоченью», укоряя обжуркота, который «слушает, да ест», современники и потомки традиционно видели Барклая де Толли⁵.

Лишь возвращение Барклая к армии в 1813 г. и успехи русского оружия под Торном и при Кёнигсварте вызвали первый стихотворный отклик на эти победы – С. Н. Глинки, датированный 27 мая:

«Ты крепость покоря, летишь к рядам врагов,
И с малой силою толпы их отражаешь;
Ты грудью верною врагов везде встречаешь;
И будешь жить в сердцах Отечества сынов!»⁶

22 апреля 1814 г., в день, когда в Петербурге по случаю заключения мира с Францией был дан крупнейший в истории города салют (324 залпа), С. Н. Глинка вновь вернулся к вкладу Барклая в разгром Наполеона, во многом предвосхитив Пушкина⁷. Он вспомнил заслуги полководца в деле сохранения армии в первый период войны:

«Ты землю Русскую любя,
Сносил превратное сужденье:
Неколебим средь бедствий был;
Героев вел – и сохранил!»

Отметил поэт героизм Барклая на поле Бородинна:

«На Бородинском⁸ пораженье
Полетом орлим Ты летал,
Опасности и смерть встречал:
Но Бог принял Тебя в храненье!»

Не забыл Глинка отметить и смиренность полководца после смены главнокомандующего:

«Сложивши главно управление,
Ты во вторых великим был;
Ты свету целому явил,
Что войск душа – повиновень».

Не обошлось в стихотворении без похвал «монарху справедливую», который, по мнению поэта, «наградил» Барклая, а завершалось оно надеждой на то, что:

«Он (Барклай. – В. Т.) будет жить – в своих делах;
В потомстве дальнем и в сердцах!»

В кампании 1814 г. Барклай де Толли успешно командовал войсками в сражении при Фер-Шампенуазе и при взятии Парижа, за что получил чин генерал-фельдмаршала. Писатель-сентименталист князь П. И. Шаликов откликнулся на это событие четверостишем:

«Твой жезл⁹ прославленным Мойсеевым
жезлом¹⁰

Для дерзостных врагов России был и будет!
Пред ним они всегда падут во прах челом! ...
И Галл сего жезла вовеки не забудет!»¹¹

Поэт и драматург, член Российской академии Н. П. Николев, подводя итог победоносных для России кампаний, в «Оде победам российского воинства» включил имя Барклая в перечень русских полководцев, которые упомянуты после Александра – «владыки строев», Кутузова – «вождя вождей» и Витгенштейна – «явленья нова»:

«Как смертны изрекали доли
Багратион, Барклай де Толли,
Раевской, Беннигсен, Толстой
И сокол гур[ь]б Донских удалый¹²,
И войск предтеча безусталый –
Граф Милорадович, герой»¹³.

Во время возвращения домой графу М. Б. Барклаю де Толли 22 декабря 1814 г. устроили в Варшаве «Русский праздник», о котором подробно рассказал в своей публикации Н. Смирнов. На торжество генералы и их супруги надели русскую купеческую одежду, представляя различные регионы России. На лентах новоявленных купчих были напечатаны стихи, сочиненные неизвестным автором в псевдорусском стиле:

«Исполать тебе, чудо-витязь наш,
Граф *Барклай де Толли*¹⁴ вождь.
Мать Москва с Санкпитером,
Новоград со Владимиром,
Ярослав и Кострома,
И вся Русская страна
Тебе, витязей главе,
Щит алмазной царска трона,
Ниспровергша власть дракона,
Шлет почтение свое»¹⁵.

Рассказывая о «питии за здоровье Его сиятельства», поэт, присоединяясь к здравиям, восклицал:

«России предан ты душою;<...>
Живи, и счастьем усладяйся,
И славой новой украшайся!»¹⁶

Еще один стихотворный отклик, принадлежащий перу русского писателя, драматурга, литературного и театрального критика, журналиста, историка и переводчика Н. А. Полевого, был навеян посещением Барклаем в июне 1817 г. города Курска. В нем полководец назван «России славным сыном», «мудрым вождем» и «героем», который «нас заслонил <...> своим щитом»¹⁷.

Называя далее Барклая «российским Сципионом»¹⁸, от конкретной оценки его вклада в дело победы над Наполеоном Полевой предпочел уклониться, ограничившись достаточно общими словами:

«Надежным воинство всегда ведет путем,
Прешел средь ужасов нетрепетной стогою, –
На время уклонясь от храбрых ты полков,
Опять на брань спешил с ужасною грозой»¹⁹.

В это же время широкое хождение получил гравированный портрет Барклая (так называемого «Типа 1812 г.»), снабженный стихотворной подписью анонимного автора:

«Отечеству, Царю, законам чести верный
От Неменя (sik) к Днепру –
российский Ксенофон²⁰;

От Вислы ж к Рейну днес[ь]²¹ гоня врагов
обратно,

С жезлом начальства он подъял труды безмерны.
Покорствуя судьбе, зрел счастье превратно:
По доблестям своим приял награду он»²².

На рубеже 1810–1820-х гг. внимание широких общественных кругов оказалось поглощенным событиями современной политической жизни, а впечатления Отечественной войны, напротив, постепенно отходили в прошлое. В итоге к 1820-м гг. общественное звучание темы 1812 г. заметно приглушается, исторические и художественные сочинения становятся редкими. На фоне этого спада выделяется последующее десятилетие. Угроза новой войны с Европой, поднимавшейся на волне революций, польское восстание 1830–1831 гг. порождают в обществе широкие аналогии с Отечественной войной. Обострение проблемы 1812 г. в общественном сознании усугублялось и тем, что 1830-е гг. – время оформления теории официальной народности, в формировании которой не последнее место играло и обращение ее творца к опыту 1812 года. Определенную роль в бурном оживлении интереса сыграла и подготовка к 25-летию юбилею войны. В полной мере это оживление отразилось и на оценках Барклая.

Одним из первых, кто в это время заговорил об истинной роли Барклая де Толли в разгроме Наполеона, стал А. С. Пушкин. Судя по всему, его мнение сформировалось к концу 1820-х гг. Любопытно, что в десятой главе «Евгения Онегина» (1830), говоря о тех событиях, поэт называет Барклая, но не упоминает Кутузова:

«Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?»²³

Затем одну из первых попыток в русской прозе дать объективное изображение стратегии Барклая де Толли предпринял Ф. В. Булгарин в романе «Пётр Иванович Выжигин» (1831)²⁴.

Сам полководец на страницах книги не выведен, но дважды в ней завязывается диалог между русскими офицерами, обсуждающими ход войны, и дважды в уста главного героя –

Петра Ивановича Выжигина – автор вкладывает слова оправдания спасительной тактики Барклая: «Уж, верно, так надо, если армия наша отступает. <...> С каждым шагом неприятель ослабевает, а наши укрепляются, приближаясь к коренной России».

И далее: «Полно, братец! Кто нам изменяет? Послушал бы ты, что говорят сами французы о главнокомандующем Барклае де Толли! Солдаты, разумеется, толкуют всякий вздор, но умные офицеры, генералы судят иначе. Они предвидят, что им готовится беда этим отступлением»²⁵.

Затем появляется знаменитое стихотворение Пушкина «Полководец»²⁶, посвященное портрету Барклая де Толли кисти Д. Доу, увиденному поэтом в Военной галерее Зимнего дворца. Известно несколько вариантов стихотворения: первая редакция относится к апрелю 1835 г., первое появление в печати – к сентябрю 1836 г., а последний новонайденный автограф из альбома великой княгини Елены Павловны датируется концом 1836 – началом 1837 г.

Мнение о стихотворении разделило общество. С одной стороны, звучали приветственные рецензии и отзывы как единомышленников Пушкина (Н. В. Гоголя, А. И. Тургенева), так и его противников (Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча), с другой стороны – критические высказывания²⁷. А в конце 1836 г. вышла из печати полемическая «Критическая заметка» Л. И. Голенищева-Кутузова. Практически с первых строк в ней звучали обвинения в адрес поэта: «В Полководце <...> некоторые мысли и стихи до знаменитого полководца относящиеся, совершенно противны известной истине, противны его собственным словам, его отличительным свойствам; состоят из вымыслов, преувеличений, ни мало не нужных, когда дело идет о человеке, которого деяния принадлежат истории»²⁸. Затем следовал подробный разбор «вымыслов и преувеличений».

Пушкин был вынужден оправдываться, опубликовав в «Современнике» специальную статью, в которой писал: «Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща, и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные урны, предоставляя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили. <...> Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая де Толли, потому что Кутузов велик? Ужели после двадцатипятилетнего безмолвия поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? <...> Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым; не только роптал народ

ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом»²⁹.

И хотя поэт сомневался, «можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства», гражданский подвиг Барклая оставался для него «вечно достоин удивления и поклонения». «Стоическое лицо Барклая, – заключает Пушкин, – есть одно из замечательнейших в нашей истории»³⁰.

В качестве доказательства того, что поэт не хотел умалить заслуг М. И. Кутузова, обычно приводят его высказывание: «Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую он так чудно оправдал»³¹. А в известном стихотворении «Художнику» (1836) Пушкин определил место каждого из полководцев в борьбе против наполеоновской армии так:

«Здесь зачинатель Барклай,
а здесь совершитель Кутузов»³².

Считается, что в этих строках, написанных уже после «Полководца», Пушкин как бы подводит итог спору, возникшему в октябре 1836 г., подчеркивая, что победа в войне достигнута их общими усилиями. Однако так ли это? Ведь до сих пор остается нерешенным вопрос о причинах, побудивших Пушкина исключить из текста стихотворения четыре стиха, сопоставлявших воинские судьбы Барклая и Кутузова (они следовали за восклицанием «Вотще!»):

«Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. – А ты, непризнанный, забытый
Виновник торжества, почил – и в смертный час
С презреньем, может быть, воспоинал о нас!»³³

Возможно, этой полемикой было вызвано и появление стихотворения М. Ю. Лермонтова «Великий муж! Здесь нет награды» (1836?)³⁴. Текст его дошел не полностью. Несмотря на отсутствие начальной строфы (верхняя часть рукописи оборвана), социальный пафос стихотворения совершенно ясен: это возмущение по поводу того, что выдающийся гражданский подвиг не встретил понимания у тех, в чьих интересах он был совершен. Однако что это за подвиг и кто его совершил – остается загадкой. За отсутствием имен и реалий изучение стихотворения пошло по пути разного рода предположений: кого и что мог иметь в виду Лермонтов.

Наиболее аргументированно предположение, выдвинутое почти одновременно И. Л. Андрониковым, В. А. Мануйловым и Л. Б. Модзалевским, что «великий муж» – это М. Б. Барклай де Толли. Не лишена основания также более ранняя версия Б. М. Эйхенбаума, согласно которой «великий муж» – это П. Я. Чаадаев, под-

вергшийся преследованиям за «Философическое письмо». Высказаны были также догадки, касающиеся имен А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского и др., но ни одна из них не получила достаточного подтверждения³⁵.

Очевидно, под влиянием развернувшейся полемики исправил свою «забычивость» по отношению к Барклаю В. А. Жуковский в стихотворении «Бородинская годовщина» (1839). Вспоминая об ужасах Бородинского сражения, поэт повествует о павших вождах, в том числе о Барклае де Толли:

«Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж, Барклай?»³⁶

В 1841 г. увидел свет нравоучительный роман писателя и поэта И. Т. Калашникова о злоключениях бедного добродетельного чиновника. Невысокое по художественному уровню сочинение отразило сложившуюся к тому времени историческую концепцию роли Барклая в войне. Она передана через дискуссию в лагере при Цареве-Займище сторонника полководца (с характерным именем Густав Иванович) и его оппонента – Матвея Петровича. Для Густава Ивановича ничего не значат «пустые толки солдат»: «Барклай уже показал свой ум в превосходном отступлении», «здесь исполнен план, начертанный с глубочайшим соображением», «искусное отступление есть уже половина победы».

Матвей Петрович, не оспаривая «достоинства Барклая», возражает: «Главная пружина побед есть нравственная сила войска, ... отступить – ещё не значит побеждать: война ещё не начиналась и участь её еще не решена».

Окружившие спорщиков офицеры присоединяются к Матвею Петровичу: «Барклай, человек необыкновенный, но сильное предубеждение войска и упадок духа не дают никакой надежды на успех» и связывают свои надежды с именем Кутузова³⁷.

В 1840 – начале 1850-х гг. история Наполеоновских войн опять теряет свою актуальность, и лишь начало Крымской войны явилось мощным возбудителем общественного интереса к эпохе 1812 г., что привело к его новому подъему, охватившему вторую половину 1850 – первую половину 1860-х гг.

Таким образом, внимание русских литераторов было привлечено к фигуре М. Б. Барклая де Толли в первой половине XIX в. дважды. Сначала полководца возносили на волне успехов русской армии в заграничных походах, признавая за ним в 1812 г. только сохранение армии. Второй раз его личность стала объектом внимания писателей и поэтов в 1830-е гг. в условиях обострившейся внешнеполитической обстановки. Основная попытка оценить вклад Барклая в дело победы над Наполеоном была тогда предпринята А. С. Пушкиным, который попытался перенести акцент на события 1812 г. Однако она не нашла общей поддержки.

Примечания

- 1 См.: *Тотфалушин В. П.* М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года : (советская историография темы) // *Историограф. сб. Саратов, 1984. № 11 ; Он же.* М. Б. Барклай де Толли в дворянской историографии Отечественной войны 1812 года // *Историограф. сб. Саратов, 1989. № 14 ; Он же.* М. Б. Барклай де Толли в отечественной историографии 1861–1917 годов // *Историограф. сб. Саратов, 1998. № 17 ; Он же.* М. Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // *Бородино в истории и культуре : материалы междунар. науч. конф. (7–10 сент. 2009 г.). Можайск, 2010.*
- 2 См.: *Беляев Ю.* «За Отчизну раны святы» // *И славили Отчизну меч и слово : 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза. М., 1987. С. 6.*
- 3 См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. М., 1999. Т. 1 : Стихотворения 1797–1814 гг. С. 225–244.
- 4 *Крылов И. А.* Полн. собр. соч. : в 3 т. М., 1946. Т. III : Басни ; Стихотворения ; Письма. С. 39–40, 65–66.
- 5 См.: *Дурылин С.* Крылов и Отечественная война 1812 года // *И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., 1947. С. 153, 156–159.*
- 6 *Издатель Русского вестника [Глинка С. Н.].* Стихи генералу Барклаю де Толли, при известии о взятии крепости Торна и при известии о победе 7-го мая // *Русский вестник. 1813. № 7. С. 87.*
- 7 *С. Г. [Глинка С. Н.].* Стихи фельдмаршалу Барклаю де Толли // *Русский вестник. 1814. № 10. С. 63–65.*
- 8 Здесь и далее курсив С. Н. Глинки.
- 9 Фельдмаршальский (примеч. П. И. Шаликова).
- 10 Имеется в виду библейский жезл Моисея, врученный тому самим Богом : с его помощью можно было превращать воду в кровь и вызывать град.
- 11 *Шаликов [П. И.], кн.* Стихи на получение фельдмаршальского чина графом Барклаем де Толли // *Вестник Европы. 1815. Ч. 79, № 1. С. 34.*
- 12 Имеется в виду М. И. Платов.
- 13 *Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году : в 2 ч. М., 1814. Ч. 2. С. 176.*
- 14 Курсив Н. Смирнова.
- 15 *Смирнов Н.* Два праздника в Варшаве, в честь Его сиятельства графа Михаила Богдановича Барклая де Толли // *Русский вестник. 1815. Кн. 6. С. 40.*
- 16 Там же. С. 44.
- 17 *Полевой Н.* Чувства курских жителей по случаю прибытия в Курск графа Барклая де Толли – 1817 в июне // *Русский вестник. 1817. № 15/16. С. 91.*
- 18 Публий Корнелий Сципион Африканский, римский полководец, победитель Ганнибала.
- 19 *Полевой Н.* Указ. соч. С. 92.
- 20 Ксенофонт, древнегреческий писатель, прославившийся трудом «Анабасис», посвященным отступлению на родину армии греческих наемников.
- 21 Теперь, сегодня (устар. поэт.).
- 22 *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравируемых портретов : в 4 т. СПб., 1886. Т. I : А–Д. С. 370.

- ²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1937. Т. 6 : Евгений Онегин. С. 522.
- ²⁴ Булгарин Ф. Иван Выжигин ; Пётр Иванович Выжигин. М., 2002.
- ²⁵ Там же. С. 426, 439.
- ²⁶ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1948. Т. 3 : Стихотворения 1826–1836 ; Сказки. С. 378–380.
- ²⁷ См.: Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1939. Т. 4–5. С. 125–164. В этой работе впервые были обобщены и проанализированы все отклики на стихотворение.
- ²⁸ Там же. С. 156.
- ²⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 12 : Критика. Автобиография. С. 133–134.
- ³⁰ А. С. Пушкин – Н. И. Гречу, 13 октября 1836 г. // Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 16 : Переписка 1835–1837. С. 164.
- ³¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1949. Т. 12 : Критика. Автобиография. С. 133.
- ³² Там же. М., 1948. Т. 3 : Стихотворения 1826–1836 ; Сказки. С. 416.
- ³³ Там же. С. 379.
- ³⁴ Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. М. ; Л., 1954. Т. 2 : Стихотворения 1832–1841. С. 79.
- ³⁵ См.: Аринштейн Л. М. «Великий муж! Здесь нет награды» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 81.
- ³⁶ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 2 : Стихотворения 1815–1852 годов. М., 2000. С. 317–322.
- ³⁷ Калашиников И. Т. Автомат // И славили Отчизну меч и слово... С. 347–348.

Образец для цитирования:

Totfalushin V. P. М. Б. Барклай де Толли в русской литературе первой половины XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 296–300. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-296-300.

Cite this article as:

Totfalushin V. P. M. B. Barclay de Tolly in the Russian Literature of the First Half of the 19th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 296–300 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-296-300.
